

„Русское слово“
г. Москва. 1904.

Инцидентъ съ г. Воронцовымъ.

Г. Воронцовъ, известный по своему дебюту въ «Трубадурѣ», напечаталъ въ «Новомъ Времени» слѣдующее письмо:

М. г.! Замѣтка «Русскаго Слова» не отвѣчаетъ действительности. Я былъ жертвой интригъ со стороны исполняющаго должность главнаго режиссера г. Тютюньки, пресѣдовавшаго меня постоянно и подставившаго мнѣ клевету при помощи артистовъ-товарищей, которыхъ онъ противъ меня

Рус. слов. № 29. 1904.

вооружилъ. Благодаря ему я, вмѣсто назначеннаго дебюта 9-го сентября въ «Лугнотахъ», дебютировалъ только 14-го января въ «Трубадурѣ». Брань, которой, будто бы, я окрестилъ публику, — ложь. Съ поднятыми нервами и измученный постоянными интригами, я, по окончаніи спектакля, сказалъ слѣдующее: «Этотъ режиссеръ Тютюнька и нѣкоторые артисты поставили противъ меня клевету». Что касается моихъ голосовыхъ средствъ, то это покажетъ будущее. То, что со мной заключили контрактъ на 2 года, съ окладомъ въ 6,000 р. въ первый годъ и 9,000 р. во второй, говорить за меня и за то, что нашлось много завистниковъ. Поверьте, многоуважаемая публика, что я много, много выстрадалъ. Мой случай совсемъ исключительный, вошій!»

То, что произошло 14-го января въ Большомъ театрѣ, действительно, «случай вошій».

Но мы не понимаемъ, почему г. Воронцову потребовалось въ «Новомъ Времени» опровергать «Русское Слово», когда въ томъ же самомъ «Новомъ Времени», отъ собственнаго корреспондента газеты, было напечатано слѣдующее:

Намъ пишутъ изъ Москвы: «Не могу не написать о безпримѣрномъ, небываломъ скандалѣ, случившемся въ Большомъ театрѣ въ этотъ четвергъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Дирекція, не обратившись къ совѣту компетентныхъ лицъ, прослушавши частнымъ образомъ одного еврейчика, тенора Воронцовскаго (что было еще въ прошломъ году), пришла въ такой восторгъ, что безъ дебюта и противъ всякихъ правилъ приняла его съ нынѣшней осени, по контракту на два года, съ платой за 1-й годъ 6,000 р., а за 2-й — 9,000 руб. Теноръ, по словамъ его, учился въ Италіи и съ русскими операми не знакомъ. Его начали учить и подъ фортепiano, и подъ оркестръ партію Сабина, но — увы! — когда пришелъ къ 3-му акту, оказалось, что теноръ позавилъ 1-й, такъ какъ лишенъ безусловнаго музыкальной памяти. Помучившись съ нимъ 6 мѣсяцевъ, перешли къ итальянскому репертуару и дали ему для выхода «Тру-

бадура» въ Большомъ театрѣ (что у насъ не практикуется). Случился необычайный скандалъ. Оказалось, что теноръ и послѣ долгихъ ученій все-таки не знаетъ времени вступлений, не знаетъ своей партіи, вступаетъ въ неподходящихъ тональностяхъ, — словомъ, возбуждая немовѣрную веселость въ публикѣ, часть которой все время хохотала, а часть свистала. Изъ боевой арміи (со шпагой) онъ издалъ таковыя пѣтухи, что, не кончивъ съ убѣжалъ со сцены. Къ довершенію скандала, по окончаніи оперы, когда публика вызывала г-жу Макрецу, вышелъ и теноръ и, обратясь къ публикѣ, прокричалъ непристойныя ругательства на адресу публики, режиссера и директора. Что случилось въ театрѣ — трудно сказать: раздались крики, составили протоколъ на дерзкаго еврея, а съ г-жею Макрецою случился обморокъ. Чинювники дирекціи, говорить, разбѣжались. По вѣрнымъ свѣдѣніямъ, злополучный теноръ никогда въ Италіи не пѣлъ, и всѣ агенты отъ него бѣжали, какъ отъ чумы» («Новое Времѣ», № 10014).

Казалось бы, что въ «Новомъ Времени» надо прежде всего опровергнуть то, что напечатано въ «Новомъ Времени».

Что же касается вопроса, «крестилъ-ли», — какъ выражается г. Воронцовъ, — онъ публику, и какъ «крестилъ», — приведемъ свидѣтельство третьей газеты.

Выдержки изъ письма г. Тулака, напечатаннаго въ № 23 «Московскихъ Вѣдомостей».

14-го января я пошелъ въ Большой театръ...

Одинъ изъ артистовъ оказался кѣмъ угодно, кромѣ еврея. Публика, очевидно, благодушно настроенная, смѣялась надъ нимъ не переставая, да и недѣля было не смѣяться, глядя на этого артиста. Такого позорнаго спектакля я еще никогда не видѣлъ.

Я ждалъ, что подъ конецъ спектакля зрители возмутятся и такъ или иначе выразятъ свой протестъ. Но публика на этотъ разъ собралась довольно добродушная и готова была мирно разойтись, какъ вдругъ къ рампѣ высочайшъ злополучный артистъ и обрушился на насъ цѣлымъ потокомъ площадной ругани. Этого уже я не ожидалъ! Въ чемъ моя вина?.. За что?..

Такъ какъ ругань артиста, обращенная къ публикѣ, относится и ко мнѣ, то я считаю себя оскорбленнымъ и энергично протестую противъ подобнаго безобразія. Это простительно въ кафе-шантанѣ, но никакъ не въ Императорскомъ театрѣ.

Есть то, что произошло 14-го января въ Большомъ театрѣ на представленіи «Трубадура» съ г. Воронцовымъ въ роли Манрико.